

УДК 050(73-410,1) : 94(470) "1994/1996"

Горностаев А.В.

Московский государственный областной университет

**ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ 1994-1996 гг.
ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ**

A. Gornostaev

Moscow State Regional University

**FIRST CHECHEN CAMPAIGN OF 1994-96 THROUGH THE EYES
OF BRITISH AND AMERICAN WAR CORRESPONDENTS**

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия, интерпретации и оценки событий первой чеченской кампании 1994-1996 гг. американскими и британскими военными корреспондентами, которые оказались непосредственными свидетелями событий. Выявленные источники, мемуары и военные дневники изданы на английском языке и неизвестны широкому кругу исследователей в России. В статье был проведен анализ источников и представлены наиболее типичные тенденции в оценке событий. Особое внимание авторами уделяется политике и ошибкам Б. Ельцина и Д. Дудаева, так как они определяли векторы развития взаимоотношений между федеральными властями и Чечней. Также излагаются наиболее важные события, такие, как первый штурм Грозного, захват заложников в Буденновске, гибель Д. Дудаева и др. Они дают представление о взглядах и симпатиях корреспондентов и дополняют имеющуюся в отечественной науке информацию по данной тематике.

Ключевые слова: Чечня, чеченская война, чеченский конфликт, Грозный, интерпретация, корреспонденты, Дудаев, Ельцин.

Abstract. This article is devoted to the issue of perception, interpretation, and evaluation of the First Chechen Campaign of 1994-1996 by American and British war correspondents, who witnessed the events. The sources used, memoirs and war diaries, are not known to the broad circle of researchers in Russia. These sources were analyzed and the article presents the most typical tendencies of war events evaluation by their authors. Particular attention is paid to the politics and mistakes made by B. Yeltsin and D. Dudayev, as their role in defining the lines of development of relationship between Federal Forces and Chechnya was decisive. The article also gives an account of the most important events, such as: the first military assault of Grozny, the hostage-taking in Budonovsk, the death of D. Dudayev. The descriptions give notion of the correspondents' sympathies and points of view, thus supplementing the existing understanding and perception of the issue in general.

Key words: Chechnya, Chechen war, Chechen conflict, Grozny, interpretation, correspondent, Dudayev, Yeltsin.

В настоящее время восприятие и понимание событий российской истории людьми других стран и культур является актуальной проблемой. Для формирования полноценного образа страны, ее культуры и истории необходимо использовать самые разнообразные отечественные и зарубежные источники. Изучение последних является важным для современной российской исторической науки и отражается в росте публикаций, посвященных тематике имиджа российского государства и общества [1, с. 3-5; 2; 3; 4]. Тем самым историки и другие исследователи получают возможность провести более доскональные, тщательные и всесторонние исследования, которые помогают глубже проанализировать те или иные вопросы отечественной истории.

Чеченский конфликт является сложной и болезненной темой для современной России. Это выражается в исторической близости конфликта и в том, что многие люди оказались так или иначе причастны к нему. Иностранные источники предоставляют нам возможность оце-

нить интерпретацию первой чеченской кампании с иной позиции и дополнить ее анализом фактов и их интерпретаций. В данной статье предпринята попытка выявить оценки и восприятие первой чеченской кампании иностранными корреспондентами, выделить их восприятие основных причин и особенностей, понять, как их мнения дополняют картину изучения конфликта, а также выяснить, на чьей стороне находились симпатии иностранцев.

Важно отметить, что для изучения иностранного восприятия и интерпретации первой чеченской кампании будут использоваться англоязычные источники, созданные только английскими и американскими военными корреспондентами, более того, неизвестные широкому кругу отечественных исследователей. Преобладание работ военных корреспондентов объясняется тем, что, во-первых, Чечня находится далеко от основных туристических маршрутов, во-вторых, опасностями и рисками, связанными с описанием военного конфликта.

Все найденные источники носят профессиональный характер, большинство из них подготовлено по заказу той или иной компании. Среди мемуаров, посвященных теме первой чеченской кампании, стоит выделить несколько самых важных. Во-первых, это основательные работы К. Галл и А. Лиевина, описывающие и анализирующие весь конфликт и его предысторию. Об истории города Самашки и личных ощущениях автора повествуется в мемуарах корреспондента Т. Голтца. В работе А. Майера излагается его восприятие событий в Чечне в контексте исторического развития России в начале 1990-х. Корреспонденты популярных изданий, таких, как *New York Times* и *Moscow Times* также предоставляют ценные сведения о тех или иных аспектах конфликта.

Предыстория

История чеченского конфликта уходит своими корнями в глубину российской истории. В XIX в. присоединение Северного Кав-

каза решалось военным путем. Этот процесс продолжался более 50 лет и серьезно отразился на жизни России, ее общества и простых людей. Т. Голтц цитирует слова одного чеченца, проясняющие восприятие конфронтации на Кавказе местным населением: «Нынешний конфликт – это всего лишь самая недавняя попытка русских стереть чеченцев с лица земли. Это часть геноцида чеченского народа» [11, р. 5]. Автор обращает внимание на то, что для чеченцев конфликт не являлся неожиданным, а напротив, исторически закономерным. А «историческая агрессия» России, по мнению иностранцев, не может быть оценена иначе, как геноцид.

Катализатором конфликта стал распад СССР. 6 сентября 1991 г. Дж. Дудаев со своими сподвижниками произвел штурм здания чечено-ингушского Верховного Совета. Более 40 депутатов парламента были избиты, а председатель горсовета Грозного В. Куценко был либо выброшен из окна, либо разбился при попытке побега [14, р. 18]. Дудаев был избран президентом и провозгласил независимость Чечни от Советского Союза и РСФСР.

Это событие было оценено в России, как государственный переворот, нарушавший Конституцию РФ. Совет Народных Депутатов РСФСР заявил о незаконности этого акта, но никаких шагов по пресечению нарушения не было сделано [6, р. 65]. Также провалилось несколько попыток федеральных властей сбросить Дудаева, использовав внутричеченские конфликты [15, р. 56]. Одним из них была операция, проведенная 26 ноября 1994 г., в которой участвовали «добровольцы» из нескольких элитных частей российской армии. Кремль отверг обвинения о своей причастности к внутричеченским столкновениям. Но, так или иначе, все операции прошли неудачно, подтолкнув федеральные власти к поиску других путей разрешения чеченской проблемы [10, р. 62].

Иностранные корреспонденты обращают внимание на то, что Россия предпринимала определенные шаги для выхода из возникшей ситуации в Чечне, но они оказались неэффективными. Большой интерес представляет

желание иностранных корреспондентов показать историческую закономерность событий 1990-х гг. в Чечне, тем самым оправдывая поведение чеченских боевиков.

Первоначально в Чечне люди были довольны самопровозглашенной независимостью, так как для них это казалось проявлением национальной воли в достижении этнической и политической свободы. Но не все представители чеченского общества разделяли это мнение. В интеллектуальной среде, настроенной оппозиционно к Дудаеву, считали, что захват власти был совершен радикальной группой. Это, по мнению чеченского историка Д. Гакаева, было результатом отсутствия интеллигенции в Чечне. Если в Балтийских странах народные фронты возглавлялись интеллигенцией, то в Чечне борьбу за независимость взяли на себя люди из маргинальных слоев общества [10, р. 78]. Корреспонденты указывают на то, что маргинальный состав правительственной верхушки легко поддавался влиянию некоторых ярких лидеров, таких, как Д. Дудаев. Поэтому во многом ему было проще проводить удовлетворяющую его личные интересы политику.

Перед конфликтом

Анализ ситуации в Чечне в преддверии конфликта, проводимый зарубежными авторами, помогает оценить деятельность Д. Дудаева и законность открытых военных действий со стороны федерального руководства.

Как пишут журналисты, Чечня не была государством (точнее, то, что там образовалось, было совсем не похоже на государство). К. Галл указывает, что президент Дудаев был больше заинтересован в самой идее независимости, чем в ее практическом воплощении. «С первых же дней правления Дудаев не смог создать должное правительство или разработать программу экономических преобразований» [10, р. 53].

Корреспонденты, таким образом, не считают данного политика способным добиться успеха в будущем руководстве Чечней. Вполне вероятно, что образ Дудаева-героя, который

у него появился сразу же после провозглашения независимости, вполне мог смениться на менее импонирующий.

К тому же Дудаев часто заявлял, что «основой его политики является подготовка к войне с Россией», но А. Лиевен отмечает, что приготовления к ней не велись. Точнее, разрабатывались планы военных действий, но не было совершено ни одной серьезной попытки как-то эти планы осуществить. «Десятки тысяч чеченцев, которые вышли на защиту, сделали это не по умыслу государства, а в результате спонтанных действий чеченского общества» [13, р. 80].

Более того, Чечня в течение нескольких лет после провозглашения независимости получала деньги из федерального бюджета. Но в 1993 г. Чеченская республика была исключена из федерального бюджета [10, р. 125]. Это сказалось в первую очередь на детях, пенсионерах, бюджетниках и др. С помощью этой меры Кремль смог добиться того, что весной 1994 г. режим Дудаева оказался на самом низком уровне популярности. В республике росло недовольство, там царили голод, бедность и социальная незащищенность, поэтому многие жители бежали из Чечни. Участились ограбления и убийства представителей различных этнических групп, населяющих Чечню. Удивительно, что Дж. Дудаев не проявил даже малейшей инициативы для вывода самопровозглашенного государства из кризиса [10, р. 128-132].

Английские и американские корреспонденты выделяют следующие причины начала первой чеченской кампании.

1. Большинство авторов указывает, что контроль над нефтяными ресурсами являлся основной причиной конфликта. «Наличие важного нефтеперегонного завода в Грозном гарантировало правительству Дудаева физический контроль над миллионами тонн нефти. Этого было достаточно для получения поддержки коррумпированных официальных лиц в любой точке России» [7, р. 315], – пишет Б. Кларк. Более того, мультимиллиардная сделка по эксплуатации новых нефтяных месторождений на Каспийском море должна

была быть подписана в Азербайджане в 1995 г. международным нефтяным консорциумом, в котором состояла российская компания «ЛУКОЙЛ». Было несколько возможных путей, по которым нефть могла транспортироваться на Запад, и все они имели некоторые трудности в эксплуатации. Самый недорогой путь лежал через порт Новороссийск и, соответственно, Чечню [10, p. 144].

2. Характеризуя взаимоотношения власти и мафии, Б. Кларк указывает на то, что «в течение первых двух лет российской независимости РФ была неспособна защищать многие экономические организации. Этим воспользовалась мафия, взявшая под контроль некоторые бизнес-структуры. Однако постепенно ситуация стала меняться; мафиозные организации осознали, что им выгоднее находится в союзе с сильным государством, чем разрушать его изнутри». «Непростительный грех Чечни был не в том, что там находились криминальные организации, а в том, что они были не российскими криминалами» [7, p. 313-314]. Здесь автор указывает на восприятие РФ на Западе как страны, в которой общечеловеческие правовые нормы не были представлены. Государство же напоминало мафиозную структуру, а не выражающую интересы населения организацию.

3. Еще одной важной причиной конфликта являлось желание отдельных представителей федеральной элиты проявить себя перед Ельциным. Многие понимали, что человек, решивший чеченскую проблему, может стать его политическим наследником [10, p. 144]. Было очевидно, что Ельцин не мог править страной вечно, поэтому многие из его окружения старались добиться «особого места» у президента.

4. Также возможной причиной конфликта являлся факт пленения российских солдат Кантемировской и Таманской дивизий, который был произведен войсками Дудаева. Эти части были опорой Ельцина в октябре 1993 г. и во многом помогли ему добиться успеха. В Чечне они же были выставлены перед камерами журналистов и рассказывали, что их участие во внутричеченском конфликте было

инициировано федеральными властями [7, p. 316]. Пленение элитных воинских частей позорило Россию внутри страны и за рубежом, и, более того, указывало на прямое участие Ельцина.

Использование выявленных источников позволяет прояснить взгляды иностранных корреспондентов на противоречивую ситуацию, сложившуюся накануне конфликта. Экономические интересы отдельных компаний, структур и государства, амбиции Ельцина и его окружения оказались, с точки зрения анализируемых авторов, причинами наступившей войны. Зарубежные корреспонденты в своем анализе причин начала конфронтации предоставляют довольно-таки одностороннюю картину, так как они уделяют недостаточно внимания политике Чеченской республики в начале 1990-х гг. и личности Д. Дудаева.

Соотношение сил

К. Галл приводит соответствующую статистику к началу военных действий: «Столкнуться с 40000 российским вторжением должна была армия, которая едва ли насчитывала 1000 бойцов. Количество добровольцев вскоре увеличилось в несколько раз, но количество военно-подготовленных человек было всего лишь несколько сотен» [10, p. 188]. Автор оценивает положение чеченцев, как «самоубийственное» [10, p. 189]. Федеральные войска превосходили чеченские в количестве солдат, но уступали в уровне их подготовленности. «Русские солдаты были настолько плохо обучены, что они совершенно не умели защищаться. Им всем было по 18-19 лет, и у них никогда не было учебной практики боев в городской обстановке». Автор продолжает и дает сравнительную характеристику чеченских воинов: «Чеченцы были бесстрашны и беспощадны. Они были людьми, которые с самого раннего детства учились использованию оружия» [10, p. 9].

В этой оценке ощущается симпатия к горцам, так как они были готовы защищать Чечню от российских войск, несмотря на чис-

ленное меньшинство. Подобное позицию занимают и Лиевин, который не скрывает, что он восхищается честью и смелостью чеченских людей [13, р. 5]. Данная позиция просматривается в целом у западных журналистов, считавших Кремль агрессором. Но если у К. Галл и А. Лиевина не было изначальной задачи или заказа выступить на чьей-то стороне, и они выражают более умеренную позицию, то Т. Голтц достаточно категоричен: «Мне необходимо было снять односерийный документальный фильм, повествующий о “Чеченском духе”. И о том, что мотивирует чеченцев, проигрывающих в количестве вооружения, продолжать сражаться против могущества российской армии» [11, р. 6]. При этом он отмечает, что отношение к чеченцам на Западе в течение первого года конфликта поменялось на положительное, так как еще перед столкновением о них в прессе писали, как «о большой мафиозной шутке» [11, р. 46].

Корреспонденты указывают, что, несмотря на численное превосходство федеральной армии, она не обладала высоким боевым духом и достаточной военной подготовкой. В Чечне, напротив, были высокомотивированные люди, готовые отстаивать независимость своей земли, воспитанные на войне и концепции «угнетения» своего народа. В стиле изложения данных фактов зарубежными корреспондентами наблюдается их желание продемонстрировать всему миру невероятный героизм чеченцев и жестокость Кремля. Здесь прослеживается, что авторы во многом сохранили восприятие политики Кремля в 1990-х гг. в рамках политики СССР, и они не могли отойти от типичных для эпохи Холодной войны аналогий в оценке действий федеральных властей: «Как Давид накинута на Голиафа» [11, р. 6].

Решение о войне

Особенно интересным и важным является вопрос о том, как было принято решение о начале войны¹ и введении войск в Чечню. По

¹ Многие западные историки, корреспонденты и обозреватели используют термин «первая русско-чеченская

мнению К. Галл, принятие этого решение является типичным примером кремлевской политики советской эпохи. Оно было принято в строжайшей секретности и без письменного приказа. Приказ о «вторжении в Чечню лежит на коллективной ответственности Кремлевского совета по безопасности и президента, который мог принять данное решение без совещания с парламентом» [10, р. 161].

Военные действия

Описание всех военных действий, имеющееся в выявленных источниках, очень объемно и, следовательно, не может быть полностью отражено в данном исследовании. Здесь будут рассмотрены только ключевые события, которую помогут составить общую картину конфликта и выявить восприятие и оценки военных корреспондентов.

В декабре 1994 г. Грозный подвергся ряду хаотичных бомбардировок со стороны федеральных воздушных сил. Как отмечает А. Лиевин в своей работе: «Бомбардировки были очень интенсивными, но в то же время хаотичными». Это создавало впечатление изначального отсутствия плана со стороны федералов, войска которых «бесцельно бомбили» город, терроризируя мирное население Грозного. Ведь эвакуация гражданских лиц не была произведена [13, р. 43-45].

А. Лиевин подчеркивает невероятную выдержку и героическое поведение чеченских боевиков во время авиаатак. Русское население Грозного с ненавистью относилось к действиям федеральных войск, которые не защищали их, а «безумствовали». Однако не только Кремль виновен в конфликте. Простые чеченцы и русские считали, что во всем происходящем виновны и Ельцин, и Грачев, и Дудаев, так как они не сумели добиться ком-

война» в своих работах, посвященных первой чеченской кампании, поэтому этот термин будет использован в данной статье для отражения сущности конфронтации, по мнению иностранцев. См.: Williams B.G. Middle East Policy, V. 8, I. 1, 2001 // The Russian-Chechen War: A Threat to Stability in the Middle East and Eurasia?, PP. 124-148; Smith S. Allah's Mountains: Politics and War in the Russian Caucasus. London, 1998; и др.

промиссного решения проблемы. Более того, А. Лиевин указывает на то, что подобные мнения были и среди чеченских бойцов [13, р. 44-46].

Эта сбалансированная оценка виновников конфликта указывает на то, что американские и британские корреспонденты, невзирая на их личные симпатии по отношению к чеченцам, все же представляют объективный обзор военного столкновения.

Ввод федеральных войск в Грозный был «катастрофой» [8] для федералов, которая определенно отразилась на ходе всей чеченской кампании. К. Галл указывает на то, что после того как остатки Майкопской бригады, бежавшие из города, добрались до безопасного места, они были подавлены и поражены. Особенно ее удивляет тот факт, что выжившие члены бригады не знали, с какой целью они направлялись в Грозный. Масштаб «резни», учиненной над русскими солдатами, никогда не был признан российскими властями. Другие попытки федеральных войск войти в город в течение января и февраля 1995 г. были такими же безнадежными и неудачными [10, р. 12-19].

В анализируемых источниках подчеркивается неподготовленность и отсутствие плана ведения военных действий у федералов, что указывает на небрежность и халатность центральных властей, пославших десятки тысяч солдат на гибель. События начала войны стали ударом по внутри- и внешнеполитическому престижу России и предопределили желание Ельцина и его сторонников продолжить конфликт.

Описание военных событий занимает обширное место в работах военных корреспондентов, тем самым предоставляя нам возможность проследить всю последовательность событий. Следует отметить, что авторы оценивают многие события и действия федералов с позиций чеченской стороны, дополняя их беседами с местным населением, боевиками и властями. Особенно это прослеживается в работе Т. Голтца, которая дает односторонний анализ происходящего.

Основной проблемой федералов были по-

тери и деморализация солдат и офицерского состава после нескольких месяцев боев [13, р. 49]. По мнению А. Лиевина, это случилось, потому что военные сильно «ненавидели» Ельцина и российское правительство. «Правительство и мафия – одно и то же. Никто из них не думает о своей стране и армии» [13, р. 65]. «Ненависть» к правительству и моральное разложение в солдатской среде привели конфликт к затяжному характеру и повлияли на количество военных и гражданских потерь.

Буденновск

Захват заложников в Буденновске был поворотным моментом в первой чеченской войне, после которого движение сепаратистов стало более популярным в самой Чечне. До Буденновска федеральные войска медленно и упорно продвигались в Чечне. В июне 1995 г. восставшие были загнаны в угол недалеко от юго-восточной границы Дагестана [9].

Операция в Буденновске, по мнению иностранных корреспондентов, была актом отчаяния, нацеленным на нанесение максимально возможного ущерба федералам. «Для нас оказалось неожиданностью, насколько просто было запугать или подкупить российских солдат и полицию. Среди восставших было много значимых лидеров, за исключением Аслана Масхадова» [9].

События происходили с 14 по 19 июня и выразились в захвате группой чеченцев под предводительством Шамиля Басаева госпиталя, в котором они держали в заложниках около 1500 человек. По словам Ш. Басаева, захват госпиталя являлся естественным и вполне логичным ответным ударом Чечни, у людей которой отняли дома и родных. Поэтому они хотели добиться пересмотра всей ситуации и выдвинули три основных требования: вывод федеральных войск из Чечни, начало переговоров между президентом Ельциным и генералом Дудаевым, встреча восставших с репортерами [16].

Иностранные корреспонденты, несмотря на жестокость данного акта, оценивают его

как проявление стремления чеченцев к прекращению конфликта на территории Чечни, и частично оправдывают террористические действия боевиков.

Неудачный штурм больницы и жертвы, понесенные среди заложников и военных, заставили российское правительство искать альтернативные пути выхода. Необходимо заметить, что президент Ельцин не мог закончить конфликт или пойти на какие-то компромиссные пути. Журналист *The New York Times* не может этого понять и считает, что у «Ельцина не хватало либо реальной власти, либо воли» [5]. Несмотря на то, что место президента было в России, он не захотел возвращаться из своей поездки в Новую Шотландию.

Таким образом, отмечается неспособность Б. Ельцина рационально реагировать на кризисную ситуацию. Это, возможно, стало следствием отсутствия у него способности решать противоречия с помощью компромиссов. Авторитарный тип правления и решение конфликтных ситуаций военным путем, как например, в октябре 1993 г. [19, р. 376], объективно демонстрируют тот тип политической линии, который сформировался у президента РФ.

Задачу вести переговоры с чеченцами взял на себя премьер-министр Виктор Черномырдин. «Быстрый темп развития событий и то, как он разрешил кризис, наводят на мысль, что премьер-министр действовал независимо. Его телефонные разговоры с Ш. Басаевым привели к освобождению большинства заложников» [5]. Хотя он и позволил уйти чеченцам и не наказал их за убийства и ранения россиян, Черномырдин, по мнению анализируемых авторов, сделал важный шаг на пути разрешения конфликта. Действия премьер-министра получили высокую оценку зарубежных военных корреспондентов.

По мнению А. Майера, у федеральных властей не было другого выхода, кроме как начать переговоры с сепаратистами Дудаева. Так как еще в начале июня стало ясно, что федеральным войскам не удастся победить чеченцев из-за их высокого боевого духа и

желания отстоять свою землю [15, р. 329]. «Так что у Кремля осталось всего два варианта: бесконечная партизанская война или компромисс» [15, р. 330].

События в Буденновске подтолкнули федеральные власти ко второму варианту, ведь переход войны на другие части РФ не был выгоден Б. Ельцину, которому скоро предстояло выдвигаться на второй срок. Кроме того, население России было настроено отрицательно по отношению к конфликту из-за потерь среди солдат и событий в Буденновске.

Дж. Дудаев часто выступал с критикой Москвы и ее политики в Чечне. Но на протяжении всего конфликта он высказывал мысль о том, что мог бы пойти на компромисс при условии «уважительного отношения к его персоне» с кремлевской стороны [10, р. 120]. 30 июля было подписано соглашение о прекращении огня с обеих сторон, выводе большинства российских войск и обмене пленниками. Но это соглашение не выразилось в реальном прекращении конфронтации [15, р. 331].

Уже сразу после подписания соглашения, когда Имаев, глава делегации Чечни, прибыл к Дудаеву, на него «обрушился гнев Дудаева». Через десять месяцев после этого события Имаев объяснил, в чем его обвинили: «Дудаев почувствовал, что переговоры окончились без его участия; ни Ельцин, ни Черномырдин не намеревались с ним встретиться лично. Все забыли про генерала Дудаева» [10, р. 282].

По мнению английских и американских корреспондентов, в конфликте столкнулись интересы двух авторитарных личностей, которые во многом были не способны к компромиссу, и скорее были склонны к провоцированию нового конфликта, который бы смог удовлетворить их интересы.

Более того, Дудаеву и Грачеву не было выгодно подписание этого договора. Первый имел больше власти и уважения среди чеченцев во время военных действия. Министр обороны Грачев стремился к дальнейшему увеличению финансирования федеральной армии, так как он мог использовать полученные финансовые средства в собственных целях [15, р. 332].

Среди других событий конфликта, которые подробно анализируются военными корреспондентами, стоит упомянуть битву за Гудермес [10, р. 287-288], захват заложников в Кизляре и последующие события в селе Первомайское [17; 19].

Убийство Д. Дудаева

Ключевым эпизодом первой чеченской кампании является убийство Дудаева. В конце марта Ельцин проявил новую инициативу по прекращению огня в Чечне. А. Майер пишет: «Эта инициатива была не более чем предложением. Президентские выборы были назначены на 16 июня, и Ельцин понимал, что его шансы на переизбрание основываются на прекращении войны в Чечне» [13, р. 150].

Авторы указывают, что Ельцину нужно было добиться прекращения конфликта любым способом. Он опасался того, что общественность проголосует за коммунистов, выступавших против военного решения чеченской проблемы.

Но внезапно 21 апреля 1996 г. президент Чечни был убит. Это поменяло расстановку сил и задачи сторон [12]. К. Галл пишет, что причины убийства Дудаева стали загадкой для всех. «Скорее всего, Ельцин был готов вести переговоры с Дудаевым, но только в случае крайней необходимости, и в то же самое время он пытался его устранить» [10, р. 321].

Новый лидер чеченцев Яндарбиев «никогда не являлся авторитарной фигурой» [10, р.324], поэтому с ним можно было построить диалог. 27 мая произошла встреча Ельцина и Яндарбиева, которая закончилась подписанием соглашения о прекращении огня. Ельцину удалось добиться такого выхода. И, как считает К. Галл, «это стало самым блестящим актом пропаганды его предвыборной кампании» [10, р. 327].

В действительности временное прекращение огня было выгодно не только Ельцину, но и чеченской стороне. Все в Чечне помнили предыдущее прекращение огня и какие «выгоды оно им дало» [13, р. 151]. Временное прекращение боевых действий предоставля-

ло им столь нужную передышку.

Через неделю после выборов президента 9 июля федеральные войска нанесли удары по деревне Махеты [10, р. 329]. Это продемонстрировало настоящие приоритеты Кремля и Ельцина в отношении Чечни. Бои продолжались до 6 августа, до дня инаугурации Ельцина. А. Лиевин считает, что это был день позора России: «В Москве очень большой и тучный человек, неспособный говорить в течение более чем одной минуты, был переизбран на второй срок» [13, р. 152]. Здесь авторы обращают внимание на индифферентное поведение российской общественности, которая не хотела перемен в политике и была готова поддержать Ельцина, некомпетентного и не соответствующего имиджу политического лидера.

Заслуга по окончательному прекращению конфликта, по мнению западных корреспондентов, принадлежит А. Лебедю и А. Масхадову, последний был инициатором прекращения боевых действий. К. Галл ссылается на то, что Масхадову «было стыдно» за состояние российской армии после ее разгрома в Грозном, и он хотел избежать дальнейших жертв [10, р. 358-359]. В результате совместных усилий Лебеда и Масхадова удалось добиться подписания мирного договора, по которому 31 августа все русские войска вышли из Грозного.

Окончание войны оказалось, с одной стороны, долгожданным, а с другой, нелогичным. Ни одна из сторон в действительности не добилась поставленных целей и задач, что в будущем привело к новому витку военных действий.

В результате Чечня получила фактическую независимость от России. Но ни одно иностранное государство не признало эту чеченскую независимость. А судьба Чечни зависела от России и от ее решения о признании реальной независимости. Экономика Чеченской республики была в руинах. Не осталось ни одного нефтеперерабатывающего завода [10, р. 368], поэтому Чечне неоткуда стало черпать ресурсы для экономического развития. А людские потери, по имеющимся в изучае-

мых источниках данным, составили 60 000 погибших и десятки тысяч раненых.

Заключение

Военные корреспонденты удачно используют данные, полученные в результате личных наблюдений для дополнения и прояснения многих аспектов и загадок конфликта. Многие их трактовки базируются на допущениях, но, в любом случае, предоставляют полезную информацию об оценках, мнениях и восприятии конфликта.

Большим достоинством источников является живое изображение конфликта. Авторы во время пребывания в Чечне непосредственно общались со многими участниками военных действий и жителями Грозного и других городов и населенных пунктов Чечни.

Более того, иностранные корреспонденты дополняют собственные мнения и впечатления ссылками на законодательные акты, монографии, газетные статьи и другие материалы. В результате они смогли детально показать хронологию событий, продемонстрировать всю сложность и противоречивость факторов и позиций лидеров, повлиявших на его возникновение и развитие.

Во-первых, при анализе источников становится ясно, что симпатии английских и американских корреспондентов находятся на стороне чеченцев. Авторы восторгаются их боевым духом и храбростью, указывают на сложную изначально ситуацию, в который оказались боевики. Это совсем не удивительно, так как иностранные корреспонденты во время конфликта находились на территории Чеченской республики и в основном контактировали с чеченцами. Образ воинственного горца, отстаивающего свободу своей земли, конечно, оказал очень эффективное воздействие на восприятие конфликта американскими и английскими корреспондентами. Более того, иностранные авторы демонстрируют, что чеченцы во многом стали заложниками ситуации и конфликта в целом. Они стремились к мирному разрешению конфликта, но были вынуждены защищаться, когда феде-

ральные войска начали военные действия на территорию республики.

Нельзя сказать, что иностранные авторы негативно оценивают федеральные войска, напротив, на протяжении всего конфликта они сочувствуют плохо подготовленным молодым федеральным солдатам, которые стали участниками конфликта не по собственному желанию, а по воле властей.

Во-вторых, иностранные авторы подчеркивают, что первая чеченская война была результатом глупости, жадности и упущенных возможностей. В источниках отмечается, что если бы Д. Дудаев хотел, то он мог договориться с Ельциным о приемлемом соглашении и получить широкую автономию. А ельцинская администрация оказалась неспособной к дипломатической деятельности по решению проблемы и вместо этого использовала старую советскую схему¹, направленную на устрашение населения и применение грубой военной силы.

Особое внимание авторы уделяют демонстрации необдуманных действий российских властей, которые инициировали данный конфликт, прекрасно зная историю чеченских войн. Начавшись из-за желания некоторых фигур ельцинского окружения и самого Ельцина, война привела к падению его личного авторитета в государстве и на международной арене. Политика президента, не заботившегося о своем народе, армии и ресурсах страны, привела к уничижительному и негативному отношению к нему со стороны российской общественности, политиков в России и на Западе. Его халатность привела к гибели сотен мирных людей в Буденновске и Кизляре. Более того, его ошибки обрекли на гибель десятки тысяч солдат, которые не только не были подготовлены к военным действиям физически и морально, но и не оповещены о целях своего пребывания в Чечне. Все это вырази-

¹ В изучаемых источниках, авторы неоднократно проводят параллели между действиями федеральных властей во время первой чеченской кампании и действиями советского руководства в Чехословакии в 1968 г. и в Венгрии в 1956. Они указывают на общую стратегию федеральных властей, направленную на силовое разрешение конфликтной ситуации.

лось в больших и ненужных человеческих потерях и финансовых затратах. Но самым главным последствием оказалось осознание того, что «надежда на демократическую трансформацию России, которая началась в 1991 г., когда Ельцин забрался на танк, была отброшена, как нереалистичная» [15, p. 337].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубев А.В. Инокультурные представления в истории // Российская история. – М.: Наука, 2010 – № 5. – С. 3-5.
2. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. – М., 1982. – 322 с.
3. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954. – М., 1999. – 247 с.
4. Щепетов К.П. Немцы – глазами русских. – М., 1995. – 270 с.
5. A Way Out of Chechnya // The New York Times. – 1995. – 20 June.
6. Chechnya: the White Paper. – Moscow, 2000. – 141 p.
7. Clark B. An Empire's New Clothes. – London, 1996. – 346 p.
8. Erlanger S. Behind the Chechnya Disaster; Leading Russian Into the Quagmire // The New York Times. – 1995. – 8 January.
9. Felgenhauer P. Was it Just a Warning Shot? // Moscow Times. – 2002. – 31 October.
10. Gall C., Waal T. Chechnya: Calamity in the Caucasus. – New York, 1998. – 416 p.
11. Goltz T. Chechnya Diary: a War Correspondent's Story of Surviving the War in Chechnya. – New York, 2003. – 352 p.
12. Gordon M. Is the Chechen Rebel Leader Dead? All Russia is Wondering // The New York Times. – 1996. – 24 April.
13. Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. – London, 1998. – 448 p.
14. M. Evangelista. The Chechen Wars: Will Russia Go the Way of the Soviet Union? – Washington DC, 2003. – 260 p.
15. Meier A. Black Earth: Russia After the Fall. – London: Harper Perennial, 2004. – 516 p.
16. Specter M. Chechen Rebels Said to Kill Hostages at Russian Hospital // The New York Times. – 1995. – 16 June.
17. Specter M. Chechen Rebels Widen Resistance, Hijacking a Ferry // The New York Times. – 1996. – 17 January.
18. Specter M. 10 Days That Shook Russia: Siege in the Caucasus // The New York Times. – 1996. – 22 January.
19. Steele J. Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev, and the Mirage of Democracy. – Cambridge, 1994. – 446 p.